

С. Н. БУРОВА,
КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

СОВРЕМЕННАЯ СЕМЬЯ: КРАХ ИЛИ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ?

Анализируются тенденции в брачно-семейной сфере и социальные факторы, которые их обуславливают. Исследуются изменения, происходящие в супружеских, родительских и родственных отношениях. Для анализа использованы данные исследований в разных странах. Рассмотрена эволюция семейных отношений и сексуального поведения людей.

Ключевые слова: семья; брак; супружеские, родительские и родственные отношения.

Some social factors that cause trends in the field of marriage and family are given analysis to. Researched are the changes taking place in the marital, parental and family relations. The data obtained with the studies carried out in different countries are made use of. Considered is the evolution of family relationships and people's sexual behavior.

Key words: family; marriage; marital, parental and family relationships.

В условиях быстро меняющейся действительности бытует мнение о кризисе семьи или даже о ее крахе. Но это далеко не новый взгляд на вечную ценность в эпоху перемен. Еще в IV в. до н. э. Платон полагал, что традиционную семью нужно упразднить и создать нечто новое. О разрушении этого социального института размышлял в XIX в. основатель социологии семьи Фредерик Ле Пле. В начале XX в. о дезорганизации американской семьи говорил Карл Циммерман, а о кризисе российской – Питирим Сорокин, отмечавший деструктивные явления, которые мы можем наблюдать и в современном обществе. В наши дни многие социологи также утверждают, что семья дезорганизована и деградирует.

Однако люди по-прежнему вступают в брак, рожают детей, и подавляющее большинство наших современников считает невозможной свою жизнь без семьи. В Беларуси социологические исследования последних десятилетий, посвященные изучению общественного мнения о семейных ценностях, указывают на их неснижающуюся значимость. Результаты одного из них, проводившегося среди студенческой молодежи Белорусского государственного университета (2011), показали, что благополучная семья в структуре ценностей юношей и девушек занимает второе место среди 18 традиционалистских, модернистских и постмодернистских ценностных ориентаций (чуть важнее – только личное здоровье) [1, с. 75]. Ее значимость для людей, проживающих в постсоветских государствах, даже несколько повысилась с 1989 по 2010 г. [2, с. 19].

Семья – это базовая витальная ценность, отношение к которой носит долговременный характер. То, что она находится в центре аксиологической структуры индивида, позволяет надеяться на сохранение преемственности поколений и устойчивости общества, ведь ценности, по мнению Макса Вебера, это одно из оснований человеческой деятельности наряду с целями и традициями. Почему семья так важна? Человеку нужно место, где ему тепло и уютно, где его любят таким, какой он есть, где ему верят, где ему рады. *Именно с такой сущностью сегодня ассоциируется семья безотносительно к тому, в какой форме она существует.* Классическая семья – это социальная и эмоционально-психологическая целостность, в которую входят супруги, их дети, родственники. А семейные отношения – это целый комплекс супружеских, детско-родительских, родственных отношений, которые постоянно эволюционируют. Происходящие существенные изменения в брачно-семейной сфере, с одной стороны, отражают глобальные социальные перемены, а с другой – способствуют им. Это касается и супружеских, и родительских, и родственных отношений.

Отметим, что *понятие семьи сегодня мутирует*, приобретает поливариативность трактовок, как и сама семейная жизнь. Например, А. А. Черкасова в 2011 г. в результате компаративного исследования установила, что семья в равной степени важна для студенческой молодежи как в России, так и в США. Однако само понимание ценности семьи различается: для американцев оно в большей степени связано с достойными доверия близкими людьми, с которыми поддерживаются отношения в течение всей жизни. Для россиян это прежде всего близкие родственники, готовые поддерживать эмоционально и финансово [3].

Универсальный же характер понятия семьи как инстанции биологического и социального воспроизводства держится на том, что, как указывает Франсуа Эритье, «все знают или полагают, что знают, чем является семья; эта последняя так прочно вписана в нашу повседневную практику, что неявным образом предстает для каждого природным или, говоря шире, универсальным Фактом» [4, с. 97].

Отметим, что социологи в **основном отслеживают институциональные трансформации семьи**. Отчасти потому, что это сделать проще, чем изучать перемены в семье как в малой социальной группе. Ведь это как вершина айсберга, которая видна всем. Об институциональном развитии семьи можно судить на основании объективных данных, динамики демографических показателей: общего снижения рождаемости, увеличения удельного веса разводов и неполных семей, уменьшения числа детей в семьях¹, более позднего вступления в юридический брак и мужчин, и женщин, наконец, распространения альтернативных форм брака и семьи. Так, в 1990-е гг. во многих странах (в том числе в Беларуси и России) происходило **динамичное падение регистрируемых в государственных органах браков**. Незарегистрированные браки (так называемые гражданские браки, по сути, являющиеся фактическими супружествами-сожительствами) начинают представлять собой статистически значимый феномен, который отмечается не только специалистами, но и рядовыми гражданами.

Увеличивается количество людей, никогда не состоявших в браке. Причем в разных странах. Например, в Казахстане анализ данных переписей показал, что в 1999 г. мужчин, никогда не состоявших в зарегистрированном браке, было 30,4 %, а в 2009 г. – 36,9 %; среди женщин в 1999 г. таких было 21,6 %, а в 2009 г. – 28,2 %. В аналитическом докладе Австралийского бюро статистики, представляющем подробные данные о браках и разводах за двадцатилетний период (1993–2013), сообщается, что в Австралии коэффициент зарегистрированных браков (количество браков на 1000 человек) снизился с 6,4 в 1993 г. до 5,1 в 2013 г. [5]. Можно привести и другие аналогичные примеры.

Это вовсе не значит, что люди отказываются вступать в интимные отношения и перестают удовлетворять свои сексуальные потребности. Стало меняться отношение к институту брака, его формализации. Например, в России и Беларуси брак для женщины – не единственный способ самореализации. Роль жены сегодня далеко не всегда успешно конкурирует с ролью профессионала. Рабиндранат Тагор когда-то точно заметил, что «супружество – это искусство, и его надо каждый день обновлять». А это требует и сил, и времени, которые мужчины и женщины не всегда готовы тратить друг на друга. Незаконные отношения проще разорвать. Регистрация брака для молодых людей перестала носить символическое значение начала совместной жизни. Современная молодежь не спешит легализовать фактически сложившиеся супружеские отношения, что было присуще предыдущим поколениям. Другими словами, популярность зарегистрированного брака падает, и среди молодых пар незарегистрированные союзы успешно конкурируют с официальным браком [6].

Увеличивающийся возраст вступления в брак, непрочность официальных браков, распространение незарегистрированных союзов влияют на уровень рождаемости (т. е. и на количество детей в семье) посредством ряда факторов, в числе которых продолжительность эффективного детородного периода. В Западной Европе более 50 % женщин в самом благоприятном для деторождения возрастном периоде (от 18–20 до 30 лет) не состоят в браке 10–12 лет; в США эта доля несколько ниже, а в странах Восточной Европы составляет лишь 10–15 %. В большинстве стран Западной и Северной Европы, а также в Северной Америке (США и Канада) доля вступивших к 25 годам в зарегистрированный брак широко варьируется: от 5 % в Швеции до 58 % в Бельгии. А вот доля вступивших в фактический брачный союз колеблется в гораздо более узких пределах: от 74 % в Канаде до 80 % в Швеции. Обычно при супружестве-сожительство дети рождаются реже, чем в зарегистрированных браках, но постепенно эти различия сокращаются: например, в Швеции и Норвегии в начале 2000-х гг. рождаемость в обоих типах брака стала одинаковой.

¹ В последние годы около 60 % семей в Беларуси – однодетные.

Для многих стран Восточной Европы характерно то, что внебрачные дети чаще всего являются детьми одиноких матерей [7].

Меняется и общественное мнение. Если несколько десятилетий назад повсеместно единственной признанной всем обществом формой супружеского союза был зарегистрированный брак, то в последние годы ситуация изменилась. Многие люди стали считать, что официально не оформленные супружеские отношения – это нормальное явление и в этом нет ничего страшного. Наше исследование¹ показало, что в Беларуси более 70 % женщин и 75 % мужчин, имеющих детей школьного возраста, относятся к незарегистрированным союзам вполне лояльно и не считают их угрозой для общества. А старшекласников, осуждающих это явление, насчитывалось только около 10 %. Разновидности социального брака увеличиваются, расширяется выбор вариантов матримониального поведения. Это отражается и на характере отношений брачных партнеров. Одно дело – жить в зарегистрированном браке, имеющем правовые последствия и определенные ограничения свободы сексуального поведения мужчины и женщины; другое – состоять в отношениях с партнером в сингерстве или открытом браке, допускающих с обоюдного согласия супругов вольность интимных связей. Современные формы зарегистрированного супружества часто не предполагают даже совместного проживания. Например, браки-посещения, или гостевые браки (*visiting marriage*), основаны на территориальной разъединенности, на проживании мужей и жен не только в разных домах, но нередко в разных городах или даже странах. Это с одной стороны. А с другой – совместное проживание партнеров возможно и без заключения брака.

Типы браков связаны с моделями взросления. Ранее существовала довольно стереотипная и строгая последовательность событий в индивидуальных биографиях (получение образования, уход из родительского дома, начало карьеры, вступление в брак, создание семьи). Сегодня можно наблюдать другие модели построения жизненного пути. В разных странах они существенно различаются, поэтому специалистам пока трудно определить, имеют ли они тенденцию к сближению.

Сошлемся на данные «Демоскоп Weekly» 2002 г. Так, в США более 40 % юношей и более 50 % девушек рано покидают родительский дом, как правило, для учебы в колледже за пределами своего города (часто, но необязательно). При этом большинство из них живут в общежитии или с товарищами в съемной квартире. Отмечается, что доля проживающих таким образом в возрасте от 18 до 24 лет за 30-летний период (1970–2000) увеличилась с 11 до 30 % среди юношей и с 15 до 32 % среди девушек. Лишь 5–6 % молодых людей в возрасте 18–24 лет жили в одиночку. А вот доля проживающих с супругой (супругом) в данной возрастной группе за этот же период снизилась втрое: среди мужчин – с 31 до 9 %, а среди женщин – с 45 до 16 %. Похожие тенденции отмечаются в Западной и Северной Европе [7].

Таким образом, одинокий образ жизни среди молодежи становится более распространенным, что может свидетельствовать об индивидуализации жизни. Увеличивающийся по времени одинокий образ жизни в добрачный период может усиливать определенные индивидуальные черты характера, которые не способствуют проживанию в группе (эгоизм, замкнутость, нетерпимость и т. д.). В связи с этим логично предположить, что будущая адаптация к жизни в браке будет более сложной, потребует гораздо больше усилий для налаживания отношений в паре и взаимопонимания между мужчиной и женщиной.

В странах Южной Европы (Италия, Греция и др.) ситуация другая. Молодые люди, особенно юноши, долго живут с родителями. Вступление в зарегистрированный брак у них совпадает с уходом из родительского дома, а добрачное сожительство является очень редким. Авторы журнала отмечают, что эти тенденции южно-европейской модели взросления не ослабевают, а, наоборот, усиливаются. Прочно

---

¹Национальное репрезентативное социологическое исследование «Причины семейного неблагополучия в Республике Беларусь» было инициировано Фондом помощи детям при Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ) и проходило на территории нашей страны в 2007–2008 г. Массовый опрос включал анкетный опрос отцов (500) и матерей (500), имеющих детей младшего и среднего школьного возраста, а также 250 старшекласниц и 250 старшекласников (всего 500).

утвердился образ жизни, характеризующийся метафорой *mama i pasta*, при котором даже завершение учебы и получение постоянной работы далеко не всегда влекут за собой создание самостоятельного домохозяйства. Приводятся такие данные: в 1995 г. 54 % работающих итальянцев в возрасте 25–29 лет жили с родителями (по сравнению с 18 % французов и 26 % немцев). В целом большинство молодежи, включая студенческую и безработную, в возрасте 20–24 лет проживало с родителями (92 % итальянцев и 84 % итальянок). В возрасте 25–29 лет проживали с родителями 69 % юношей и 46 % девушек, и даже в возрасте 30–34 лет – 31 и 17 % соответственно. Долгое проживание молодых мужчин с родителями, по мнению авторов, формирует у них установку на отрицание идеи совместного выполнения домашних обязанностей и активного участия в воспитании детей в будущем браке. Мы согласны, что этот факт, конечно, не может не повлиять на характер отношений как между будущими супругами, так и между молодыми родителями и их детьми.

Странам Восточной Азии в прошлом было характерно патрилокальное поселение молодоженов, т. е. совместное проживание молодых супругов с родителями мужа. Но сегодня ситуация меняется. Например, в Японии распространенность таких домохозяйств сократилась с 60 % в 1960 г. до 30 % в начале 1970-х гг., затем ситуация стабилизировалась. Однако многие молодые люди сегодня живут в пристроенном к дому родителей этаже с отдельным входом, что лишь формально делает их проживание отдельным. Поэтому уровень общения между поколениями остается довольно высоким.

Страны Восточной Европы характеризуются сочетанием черт, присущих разным западным моделям. Так, значительное число молодых людей рано покидают родительский дом для работы или учебы в другом городе или для службы в армии. Вместе с тем неолокальное поселение характерно далеко не для всех. Многие подолгу остаются с родителями, даже вступив в брак и обзаведясь ребенком, в результате образуется расширенная семья. Это происходит, скорее, не потому, что молодежь не хочет жить отдельно от родителей, а вследствие жилищных трудностей. Последовательность фаз взросления еще весьма жестка [7]. В Беларуси в расширенных семьях проживает довольно большое количество и зрелых пар. По нашим данным (уже упоминавшееся исследование ЮНИСЕФ 2008 г.), с родителями проживали 13 % женатых мужчин с детьми и 20 % женщин (замужних и незамужних) с детьми школьного возраста. Это тоже так называемые расширенные семьи. Более того, около пятой части матерей и отцов школьников экономически зависимы от своих родителей, так как одним из постоянных источников своих доходов считают материальную помощь с их стороны.

Отношения в расширенной семье более разнообразны и насыщены, чем в нуклеарной однодетной семье, так как в ней не только больше людей, но и больше разнообразие занимаемых этими индивидами позиций и выполняемых ролей, что обуславливает и расширение спектра отношений. По сравнению с нуклеарной такая семья имеет не только преимущества, но и недостатки. Некоторые достоинства расширенной семьи могут перерасти в психологические и нравственные проблемы, связанные, например, с необходимостью индивида налаживать отношения с каждым членом семейной группы, а так как круг проживающих шире, то и усилий для выстраивания хороших отношений нужно прилагать больше, быть гибче, чтобы учитывать личностные особенности каждого. Отношения между супругами, родителями и детьми, сиблингами, между другими близкими и дальними родственниками могут быть теплыми и удовлетворительными, а могут быть наполнены острыми разногласиями и сложными проблемами, доводящими людей до отчаяния, глубочайшего чувства тревоги и вины. Хотя и в малой нуклеарной семье общение может иметь негативные оттенки именно в силу того, что она малая и ограниченные контакты только друг с другом рискуют стать однотонными и скучными.

Все очевидные институциональные перемены обусловлены глубинными процессами (если продолжить сравнение с айсбергом – теми, что находятся не на поверхности, а под водой), происходящими внутри конкретной семьи как живого организма, изменением характера отношений между полами и поколениями,

личностными изменениями мужчин и женщин. Феномены, касающиеся семьи как малой группы (например, повсеместно происходящий процесс размывания системы поведенческих норм в добрачной фазе, традиционных нормативов в сфере брака и семьи и представлений о содержании семейных ролей), сложнее зафиксировать, опираясь на данные статистики, ибо семья является закрытой малой группой, в которую посторонним, как говорится, «вход воспрещен». Естественно, каждый исследователь, изучающий взаимоотношения в семье, испытывает большой дефицит информации. Вместе с тем анализ частной сферы – неотъемлемая часть анализа любого социума. По мнению немецкого философа и социолога Арнольда Гелена, частная жизнь есть сфера непосредственного общения людей и главным ее прибежищем выступает семья как единственный противовес всякой публичности в современном обществе.

В нашей стране в течение долгого времени официальной идеологией людям предписывался приоритет общественного над личным, частное считалось недостойным внимания ученых. Интерес к изучению жизни в кругу близких людей проявляется сегодня по причине относительной новизны взгляда исследователей на семью в таком ракурсе. Триединство отношений в системе традиционной семьи (супружество – родительство – родство) сегодня распадается на отдельные подсистемы, появляется все больше брачно-семейных моделей. Каждая из составляющих прежней системы меняется, так как трансформируется сущность брака, родительства и родственных отношений. *Гетерогенные супружеские отношения меняются более радикально*. Являясь, как правило, основой семейной жизни, они, изменяясь, трансформируют и родительские, и родственные связи.

Что же обусловило коренное изменение брачных отношений?

Первое. Так называемая сексуальная революция. Один из авторитетных социологов современности Энтони Гидденс провел анализ этого феномена и его последствий в своей работе «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» (1992). Автор проанализировал, как начиная с последней трети XX в. процессы всеобъемлющей индивидуализации и детрадиционализации в корне поменяли самые интимные стороны жизни людей. Шаг за шагом, по мере установления демократических свобод и усиления внимания к личности отдельного человека и соблюдению его прав, либерализации общественного мнения устранились нормативность и институциональность, а любые отношения превращались в постоянный поиск и непрестанную самореализацию, главным образом в эмоциональной сфере.

Исходной интенцией самого Э. Гидденса было обращение к революционным надеждам некоторых мыслителей, расценивавшим сексуальность как потенциальную область свободы человека [8, с. 30]. Такая позиция перекликается с идеями австрийца Вильгельма Райха, автора работы «Сексуальная революция» (1945). Сексуальность, как природное предназначение, превращается в личностный ресурс и сознательно культивируется. Она приобретает полную независимость от деторождения и продолжения поколений, становится важнейшей и самостоятельной стороной межличностного взаимодействия [8, с. 53–54]. Более того, легализуется гомосексуальность; снимаются ограничения с женской сексуальности, которая не могла ранее проявляться так же открыто, как и мужская. Нормативные предписания уже не являются такими репрессивными, как это было ранее. Возникает новый тип брачных отношений. Если традиционный брак основан на конвенциональном разделении семейных ролей мужчины и женщины, на понятии долга, то брак нового типа представляет собой сложную систему взаимодействий, требующую постоянного усовершенствования. Это мир сексуальных договоренностей, в которых на первый план выходят понятия ответственности и интимности. По Э. Гидденсу, это брак «с открытым концом», серия постоянных проб и экспериментов, «вероятностный проект» [8, с. 36–37]. Социолог сформулировал тезис о том, что в современном мире сфера интимности претерпевает кардинальную трансформацию, превращаясь из регулируемого внешними нормами социального института в самоценные частные взаимоотношения.

Следует добавить, что сегодня во многих странах Европы супружеские отношения становятся более значимыми, чем родительские и родственные (как это

случилось в США в середине XX в., на что обращал внимание еще Талкотт Парсонс). Нужно, наверное, согласиться с учеными, которые считают, что эмоционально-психологическая функция в современной семье становится центральной, наиболее значимой и ценной. Таким образом, самым важным показателем эволюции семьи можно считать историческое смещение акцентов с родительства и родства (как кровных отношений) на супружество (как социально-эмоциональную связь, приводящую к появлению свойства – отношений близости между людьми, возникающих из брачного союза одного из родственников). Сегодня главными ценностями в супружестве выступают удовлетворенность супругов межличностными отношениями, ощущение ими личного счастья, интимность, секс. Хозяйственно-бытовая и репродуктивная функции, а также воспитание детей – как семейные функции – отодвигаются на второй план.

Второе. Социальная политика гендерного равенства, которая официально стала проводиться многими государствами с середины 1990-х гг., направлена в том числе и на преодоление принуждения и подавления в браке, на устранение неравного обмена любыми ресурсами, на признание равной значимости мужчин и женщин, на необходимость создания равных возможностей для их самореализации во всех сферах. Во множестве современных семей напряжение (нередко слабо осознаваемое) присутствует именно потому, что происходит переосмысление ролей и гендерных стереотипов. Представления мужчин и женщин об идеальном типе семьи и брачном партнере, о гендерном распределении семейных ролей определяют развитие отношений в семье либо в сторону контакта, либо в сторону конфликта (в зависимости от степени схожести/расхождения установок и обусловленного ими поведения) [9, с. 71]. Женщины здесь более активны, более требовательны, чем мужчины. И это понятно: они менее удовлетворены существующими отношениями в семье и больше заинтересованы в переменах, чем мужчины. Большинство же мужчин не хотят терять тех привилегий в семье, которые предоставлял им патриархальный порядок.

Идеология гендерного равенства во многом зиждется на идеях либерального феминизма, который, как идейно-политическое движение, оказал значимое влияние на трансформацию семьи, на переосмысление женщинами своих традиционных ролей, прежде всего материнства. Гендерное равенство в семье будет достигнуто, когда, по мнению Суламифь Файерстоун, тирания биологической семьи будет свергнута [10]. С точки зрения этой радикальной феминистки, гендерное неравенство навязывается женщинам патриархатом прежде всего через их биологию, т. е. через физические, социальные и психологические дополнительные нагрузки и проблемы, связанные с беременностью, родами, вскармливанием грудью ребенка. Конечной целью феминистской революции, как считает С. Файерстоун, должно стать уничтожение не только мужских привилегий, но и различий между полами как таковых – разница между человеческими существами в генитальной анатомии перестанет иметь культурное значение. Конечно, такой очевидный радикализм не может быть принят большинством женщин, но эти идеи явились первой острой реакцией на осознание негативной стороны материнства как общественного установления в жизни женщины.

Более взвешенная (и победившая) позиция в отношении материнства характерна для другой феминистки, американской поэтессы Адриенны Рич. Она критически проанализировала все стереотипы материнства, веками создававшиеся культурой и искусством. Согласно А. Рич, материнство – это всего лишь *часть жизни* современной женщины, важная, но ни в коем случае не единственная. Для кого-то она может стать главной, а кто-то может решить вообще обойтись без этого опыта. И описывать материнство надо не с позиций мужской идеологии, а с позиций женской жизни, личного выбора женщины [11]. Можно продолжить эту мысль. Заявления о том, что все женщины хотят выйти замуж и рожать детей, всего лишь миф. Семейная жизнь – это только часть жизни и мужчины, и женщины. Ведь сегодня они оба включены в общественную жизнь и выполняют функции в других социальных институтах, вступают в межличностное живое общение с членами не только семьи, но и других социальных групп. Гендерное равенство предполагает, что у мужчин и женщин должен быть жизненный выбор среди разных

альтернатив социального поведения, в том числе в репродуктивной сфере. Индивиды не принадлежат семейной группе всей своей личностью.

Социум в целях развития нуждается в осознанной реализации своего личностного потенциала и мужчинами, и женщинами. При этом существуют явные противоречия между потребностями государства и личности. В нашей стране это можно увидеть на примере демографической ситуации, отношение к которой у государства и индивидов разное; есть большие различия между идеологией государственных структур и семейными ориентирами. Но так было всегда. Дальнейшее общественное развитие не может происходить без более полного раскрытия качеств каждого индивида, которые раньше не были востребованы из-за жестко прописанных половых ролей и морально устаревших гендерных стереотипов. Происходившая до сих пор половая идеологическая и социальная дифференциация не соответствует духу и вызовам времени. Увеличившееся количество образованных женщин постепенно привело к тому, что их перестали воспринимать как домохозяйек, в них стали видеть достойных конкурентов на рынке труда, если и не совсем равных мужчинам, то способных работать и самостоятельно зарабатывать, быть экономически состоятельными.

Изменение положения и статуса женщин в обществе обусловило их новые требования к отношениям в браке. Все большее количество женщин ждут от брачных/сексуальных партнеров такого же уважения и признания, как и со стороны коллег; они хотят, чтобы их мнение тоже учитывалось, чтобы бытовые нагрузки были пересмотрены и перераспределены, стали более справедливыми. Для удовлетворенности женщин жизнью рост их общественного авторитета должен сопровождаться не только признанием их значимости в сфере брачно-семейных отношений, но также признанием важности самой этой сферы для общества и необходимости большей включенности в нее мужчин.

Согласно данным нашего исследования, женщины в зрелом браке менее им удовлетворены, чем мужчины. Среди женщин-матерей значительно меньше тех, кто полностью удовлетворен отношениями с супругом, чем мужчин-отцов, удовлетворенных отношениями с супругой (сравните: 38,2 % женщин и 62,9 % мужчин). Среди тех, кто однозначно повторил бы свой выбор брачного партнера, уверенных женщин на 15 % меньше, чем среди уверенных мужчин, настроенных таким же образом. Женщин на 12 % больше, чем мужчин, и среди сомневающих в своем выборе. Они чаще думают о разводе. Среди тех, кто никогда не задумывался о разводе с супругом, женщин на 13,6 % меньше, чем мужчин. Таким образом, реальная угроза принятия решения о разводе исходит чаще от женщины, чем от мужчины, что подтверждается анализом статистики разводов и их инициаторов. Хотя основу для «раскачивания» стабильности брачных отношений больше закладывают мужья, нежели жены (например, пьянство и насилие в семье как причины разводов гораздо чаще присущи ответчикам).

Мужчин, полностью удовлетворенных своими отношениями с женой, в 1,5 раза больше, чем женщин, полностью удовлетворенных отношениями с мужем. А среди полностью неудовлетворенных супружескими отношениями женщин почти в 4 раза больше, чем среди мужчин. Главные причины – недостаточная включенность мужчин в хозяйственно-бытовую сферу семейной жизни, в воспитание детей, а также наличие у них вредных привычек и агрессивное поведение [12, с. 272].

Формирование новых отношений в семье хотя и медленно, но происходит. Осуществляется постепенная замена прежней структуры отношений, построенных по вертикальному принципу, на новую – горизонтальную. Традиционный тип семьи – это отношения иерархии и субординации, доминирования и подчинения: мужей над женами, взрослых над детьми. Современный характер отношений – это отношения партнерства, равенства, уважения каждого каждым. И это доказывает постепенное внедрение в семейную жизнь гендерного равенства. Власть как право и возможность распоряжаться чем-то, подчинять кого-то своей воле заменяется лидерством как моральным и эмоционально-психологическим авторитетом в той сфере, где член семьи может зарекомендовать себя как лучший, как тот, кто может быть в этой сфере первым. И здесь уже неважно, кто ты: мужчина или женщина, взрослый или ребенок.

Третье. Индивидуализация жизни привела к тому, что многими индивидами семья рассматривается как объект для удовлетворения эгоцентристских потребностей. Узы партнерства воспринимаются как вещи, которые следует потреблять, а не производить. Одно из доказательств – более частый отказ от рождения детей, сознательная бездетность в пользу удовлетворения собственных потребностей, предпочтение личных интересов семейным. Кристофер Лэш в конце 1970-х гг. в книге «Убежище в бессердечном мире: осажденная семья» (*Haven in a Heartless World: the Family Besieged*) написал о том, что в США усилилась тенденция «видеть в семье не более чем брак, а в браке – не более чем ненавязчивую привязанность без обязанностей» [13, с. 51].

Индивидуализм называют врагом семьи и человеческих взаимоотношений, потому что он приводит к разъединению. По сути, индивидуализм противопоставляет себя идее и практике подавления личности, особенно если это подавление производится обществом или государством. Но часто встречается утверждение, что свои лучшие черты индивидуализм проявляет только в нравственно развитом обществе. Считаем, что с этим нужно согласиться. В современном обществе, весьма несовершенном, индивидуализм нередко сопровождается эгоизмом, т. е. поведением, которое целиком определяется мыслями о собственной выгоде, предпочтением своих интересов интересам других (даже близких) людей. Распространение фактических сожительства, в которых люди не берут на себя правовую ответственность за свои отношения, – одно из доказательств. Вместе с тем наше исследование показало, что счастливыми считают себя мужчины и женщины в тех семьях, где забота о других членах семьи превалирует над желанием только получать эту заботу, где преобладает альтруизм.

Когда брак воспринимается как институт, существующий только для личного удобства, обесценивается главная социальная функция основанной на нем семьи – рождение и воспитание детей, уход за ними. Например, российский исследователь Н. Л. Москвичёва, изучая в 1990-е гг. позиции семьи в системе ценностных ориентаций личности студента, выяснила, что среди многих аспектов семейных отношений, удовлетворяющих потребности личности разного уровня, молодежь выделяет ограниченный круг вопросов. Они касаются преимущественно аффилиативных, некоторых витальных потребностей, а также потребностей в подтверждении ценности и значимости своего «я», в чувстве безопасности. Практически не упоминаются аспекты семейных отношений, связанные со стремлением к саморазвитию и самосовершенствованию, с удовлетворением индивидуальных потребностей в отцовстве, материнстве, самореализации в детях [14, с. 173].

Сегодня каждый индивид формирует свой собственный образ семьи, так как современная семья постепенно утрачивает функции эффективно действующего института с жесткими нормами, четко заданными образцами поведения, трансформируясь в группу взаимодействия, где существуют преимущественно групповые ценности и нормы. Сложность в том, что брак как основу семьи заключают два человека, два индивида, две личности, чьи установки и представления могут значительно расходиться. Во многих сферах деятельности семьи общепринятые нормы стали заменяться весьма индивидуализированными нормами-соглашениями. В связи с распространением асимметричных семей и разнообразных гибридов брачно-семейной жизни увеличивается количество мужчин и женщин, у которых в пубертатный период не были сформированы навыки общения в полноценной семейной структуре. Они социализировались в разных семейно-брачных типах и нередко имеют *специфический социальный и эмоционально-психологический личный опыт*. Безусловно, это усложняет налаживание контактов и взаимопонимание с брачным партнером. Ведь нормы-соглашения устанавливаются на основе прошлого опыта каждого из супругов и представлений каждого из них о необходимых ролях членов семьи, характере взаимоотношений в ней. Для установления и поддержания этих норм требуются большие усилия, так как обычно они более субъективны и подвержены влиянию эмоций, поскольку в меньшей мере связаны с жестко регламентированными образцами поведения, предписываемыми обществом. Можно констатировать, что сегодня конкретная семья увеличивает свою автономию, а влияние

традиций, норм и ценностей со стороны общества становится менее значимым по сравнению с индивидуальными нормами и ценностями.

Отношения между родителями и детьми меняются. В нашей стране эти перемены не так радикальны, как в США или странах Западной Европы, но уже становятся заметными. Женщины все чаще не хотят приносить свою жизнь в жертву семье и детям (а мужчины и раньше этого не делали). (Здесь уместен вопрос: а нужна ли вообще такая жертвенность, которая была присуща многим белорусским и российским женщинам? Но это тема для отдельного разговора.) Современные ценности: перманентное образование, карьера, интересный отдых, путешествия, гедонизм, потребительство и т. д. – мало совместимы с многодетностью и большим количеством времени для общения с детьми. В принципе сокращение свободного времени резко уменьшает объем и насыщенность семейного общения – как супружеского, так и детско-родительского. Совместно проводимое свободное время, как известно, является хоть и недостаточным, но необходимым условием духовного единства и сплоченности семьи. Как считают некоторые авторы, его нехватка обуславливает возникновение отчужденности, индивидуализации, депрессивных и депривационных реакций [14, с. 79–82].

Аксиологические срезы показывают движение в восприятии ценностей традиционного и современного общества. Например, гендерный анализ позиции студенческой молодежи БГУ относительно брачно-семейных и сексуальных отношений, семейных ценностей, выявленной в ходе исследования 2011 г., показал, что у молодого поколения сохраняется уважение к традиционным ценностям: например, 93,1 % студенток и 88,5 % студентов отрицательно относятся к такому явлению, как отказ от новорожденного; 90,5 % девушек и 86,9 % парней отрицательно относятся к отказу от заботы о родителях. Но и к феноменам общества постмодерна отношение терпимое. Так, гомосексуализм считает недопустимым 46,6 % студенток и 69,7 % студентов. А пробные браки недопустимы лишь по мнению 49,6 % студенток и 58,6 % студентов. Постиндустриальное общество характеризуется трансформацией потребностей и ценностных ориентиров человека. В условиях глобализации ценностные суждения и поведение, отклоняющиеся от традиционных норм, постепенно будут становиться все более приемлемыми, а контингент, в наибольшей степени готовый согласиться с новыми ориентирами и взглядами, – это молодое поколение [1, с. 80–81]. Исследование 2014 г., проведенное Центром социологических и политических исследований БГУ, показало, что четверть студенческой молодежи университета допускают *child free* – жизнь семьи без детей – как нормальный новый образ жизни. А среди студенческой молодежи факультета философии и социальных наук (опрошено 256 студентов и студенток в 2015 г.) 12,5 % считают это явление позитивным.

Разрыв между поколениями на семейном уровне проявляется в форме отчуждения, неуважения, в частых ссорах, а иногда в полном прекращении связей между родителями и детьми. Такие отношения нередко трактуются социологами как упадок родительского авторитета, неприятие каких-то авторитетов вообще. Но здесь кроется и желание подрастающего поколения выстраивать свои отношения со взрослыми на основе равноправия, необходимость которого многими родителями еще не прочувствована и не интериоризирована. Согласно нашему исследованию, около пятой части учащихся старшего школьного возраста вообще не имеют никаких авторитетов [12, с. 317]. Отношения между поколениями в семье нуждаются в большей степени открытости и построении на эгалитарной основе.

Сегодня становится более очевидным, что **родственные связи по значимости уступают дружеским**. Уместно вспомнить Карела Чапека: «Родственники даны нам судьбой. Как хорошо, что друзей мы выбираем сами». Для белорусских мужчин и женщин родственные связи остаются более значимыми в ситуациях, когда нужно решить какие-то жизненные проблемы. Согласно уже упоминавшемуся исследованию, в сложных ситуациях женатые мужчины обращаются за помощью и поддержкой к коллегам в 18 % случаев, к друзьям – в 30 %, к матерям – в 40 %, к женам – в 76 % случаев. Замужние женщины ищут помощь и поддержку у коллег в 10 % случаев, у подруг – в 38 %, у мужей – в 51 %, у матерей – в 55 % случаев. Заметим, что для мужчин значимость жен в этих вопросах больше, чем для женщин

значимость мужей [12, с. 271–295]. Однако обычное общение происходит чаще не с родственниками, а с другими людьми. Личностные контакты, основанные на социальных потребностях, интеллектуальных запросах и эмоционально-психологических влечениях, в современной семье предпочтительнее уз крови, общения с людьми родственно-близкими, но мало лично интересными. Частично это происходит и потому, что выполнение традиционных семейных функций сегодня переходит к другим социальным институтам. К услугам родственников прибегают реже, чем раньше. Некоторые сферы деятельности, ранее считавшиеся прерогативой семьи и способствовавшие ее существованию как группы, постепенно стали переадресовываться другим институтам. Воспитание детей доверяется с раннего возраста детским дошкольным, а затем школьным учреждениям. Молодым семьям помощь оказывает государство, например в виде ссуд на строительство жилья, пособий на новорожденных. Материальную помощь людям пожилого возраста оказывают, как правило, не дети, они сами зарабатывают себе пенсию в течение трудовой деятельности. Объективно это уменьшает степень ранее необходимой связи между родственниками.

Но не следует преувеличивать образовавшийся разрыв между поколениями. Эта пропасть скорее миф, нежели реальность. На его разрушение было направлено исследование американского психолога Лилиан Тролл¹, которая провела критический обзор литературы, посвященной отношениям между поколениями. Ее интересовал характер общения, помощи и влияния, свойственный межпоколенным отношениям середины жизни. Согласно Л. Тролл, дети, достигшие среднего (зрелого) возраста, обычно живут относительно недалеко от своих родителей и регулярно видятся и разговаривают с ними. Но это не означает, что оба поколения живут в одном доме. Поскольку каждое поколение высоко ценит свою независимость, менее 10 % престарелых родителей живут в одном доме со своими детьми, и многие соглашались на это только тогда, когда экономические трудности или физические болезни не оставляют им выбора.

О ситуации в Беларуси мы можем судить по результатам национального исследования причин семейного неблагополучия, уже упоминавшегося ранее. На вопрос о том, к кому обращаются за помощью учащиеся старших классов, когда попадают в трудную ситуацию, подавляющее большинство (78,7 %) ответили, что к родителям. И 75,5 % получают необходимую помощь [12, с. 323]. 65,8 % мужчин-отцов и 64,9 % женщин-матерей, говоря о традициях в своих семьях, отметили, что навещают своих родственников, помогают им [12, с. 260, 284].

Большинство родителей среднего возраста имеют также регулярные контакты со своими взрослыми детьми. Эта связь усиливается, как правило, тогда, когда у родителей или у детей появляются проблемы. В период кризисов и проблем члены семьи склонны спланиваться, но, когда ситуация стабилизируется, они возвращаются к своим обычным моделям взаимодействия. Л. Тролл отмечает, что родители пытаются оказывать влияние на поведение своих детей гораздо чаще, чем дети делают это в отношении родителей. При этом все советы в оба адреса обычно носят практический характер. Например, родители или их дети пытаются повлиять друг на друга, чтобы перебороть вредные привычки (к примеру, бросить курить), разумно питаться, следить за своим здоровьем (посещать врача, вовремя принимать лекарства). Важно отметить гендерные различия: «Дочери стареющих родителей отличаются от сыновей стареющих родителей. Эта разница зависит и от того, кто – отец или мать – исполняют роль стареющего родителя» [15, с. 180].

Стадия семейной жизни, называемаяся **опустевшее гнездо** (*empty nest*) и обозначающая период в семейном цикле после того, как младший из детей покидает родительский дом, имеет свою специфику. Это время, когда родители должны переключиться с родительской роли на другую. Постепенно, в связи с увеличением средней продолжительности жизни, эта задача становится все более важной. Например, в США женщины, которым в 1998 г. исполнилось 40 лет, в среднем будут жить еще 41,1 года, а мужчины того же возраста могут ожидать, что их

¹ По материалам книги Г. Крайг «Психология развития». СПб., 2000.

жизнь продлится в течение еще 36,4 года (исходя из того, что средняя продолжительность жизни женщин в США – 81,1 года, а мужчин – 76,4 года). Эта стадия цикла семейной жизни может оказаться сложной, если партнеры за долгие годы совместной жизни с детьми отделились друг от друга, сформировали различные интересы, не проводили много времени вместе. Некоторые люди среднего и старшего возраста полностью принимают на себя ответственность за воспитание внуков, становясь для них постоянными «суррогатными родителями» в случае, когда их взрослые дети разводятся или сталкиваются с иными проблемами [15, с. 178].

В Беларуси ситуация иная, потому что продолжительность жизни людей меньше, а разница между средней продолжительностью жизни мужчин и женщин составляет около 12 лет. Участие бабушек в воспитании внуков гораздо активнее, чем участие дедушек. К пенсионному возрасту многие женщины уже одиноки. Отметим, что эта проблема у нас пока изучена недостаточно. Неизученными остаются и многие другие вопросы, например феномен единственных детей и его влияние на социализацию и дальнейшую судьбу ребенка, проблемы *child free*, суррогатного материнства, супружеств-партнерств, партнерства в родах и т. д.

Хотелось бы привлечь внимание к проблеме сочетания семейных и профессиональных ролей мужчинами и женщинами. Семья и профессиональная деятельность долгое время находились и до сих пор находятся как бы в оппозиции. У женщины дилемма: семья или работа? Эти ценности конкурируют между собой, заставляя делать выбор. Но появляются социальные инициативы и создается положительный опыт по успешному сочетанию деятельности в семье и в профессии. Международный эксперт по гендерным вопросам из Швеции Тина Бруно курирует проект *ParentsSmart*-компаний, который доказал, что можно успешно совмещать интересы семьи и компании. Родительство можно использовать как огромный опыт менеджмента, а профессиональная и семейная жизнь могут быть гармоничными и сбалансированными сферами активности. В таких условиях мы можем говорить о новых социальных технологиях, которые позволяют укреплять семью и добиваться процветания компаний [16].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что во всех видах семейных отношений под влиянием социальных обстоятельств происходят изменения неоднозначного характера. Однако утверждения о кризисе семьи, понимаемом как ее упадок, не получают убедительных доказательств, если: 1) принимать во внимание, что новое – это не крах, а другое, нередко просто малопонятное и малоизученное; 2) ценность семьи остается самой значимой для подавляющего большинства людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Украинец П. П., Бурова С. Н., Филинская Л. В.* Студенчество БГУ начала XXI века глазами социологов // Весн. БДУ. Сер. 3. Гісторыя. Эканоміка. Права. 2011. № 3. С. 73–81.
2. *Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследование европейских ценностей»* / под ред. Д. М. Булышко, А. Н. Данилова, Д. Г. Ротмана. Минск, 2013.
3. *Черкасова А. А.* Жизненные ценности в представлениях студенческой молодежи России и США: социологический анализ // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 1. С. 231–240; Диссертации по гуманитарным наукам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/zhiznennye-tsennosti-studencheskoy-molodezhi-v-rossii-i-ssha#ixzz3Y2Mrw7np> (дата обращения: 22.04.2015).
4. *Начала практической социологии* / Р. Лемуар [и др.]. М. ; СПб., 2001.
5. *Фидлер М.* Матримониальные узы в Австралии [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 633–634. 9–15 марта 2015 г. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0633/tema01.php> (дата обращения: 20.03.2015).
6. *Захаров С., Митрофанова Е.* Российская молодежь в брачно-семейном интерьере [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly, № 619–620. 17–30 нояб. 2014 г. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0619/tema02.php> (дата обращения: 11.04.2015).
7. *Иванов С.* Новое лицо брака в развитых странах [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. № 67–68. 20 мая – 2 июня 2002 г. Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2002/067/tema04.php> (дата обращения: 01.03.2014).
8. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб., 2004.
9. *Семья в изменяющемся мире : тезисы докл. конф. (Сыктывкар, 9–10 июня 1994 г.).* Сыктывкар, 1994.
10. *Firestone S.* The Dialectic of Sex. New York, 2003.

11. Rich A. Of Woman Born: Motherhood as experience and institution. London, 1977.
12. Отчет Национального исследования причин семейного неблагополучия в Республике Беларусь. Минск, 2009.
13. Цит. по: Кирьянова О. Г. Кризис американкой семьи. Минск, 1986.
14. Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 году / Н. Римашевская [и др.]. М., 1999.
15. Бурова С. Н. Социология семьи : пособие для студентов фак. философии и соц. наук. Минск, 2011.
16. Бруно Тина. Меры работодателей, направленные на поддержку семей сотрудников/сотрудниц с детьми : ParentSmart-компании, международный опыт : материалы Междунар. конф. «Содействие достижению гендерного равенства в Республике Беларусь» (Минск, 29 апр. 2015 г.). Минск, 2015.

Поступила в редакцию 03.04.2015.

УДК 323.1

ЕЖИ ВЯТР,
ЗАСЛУЖЕННЫЙ ПРОФЕССОР ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ПОЧЕТНЫЙ РЕКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРАВА
И АДМИНИСТРАЦИИ В ВАРШАВЕ (ПОЛЬША)

ТЕОРИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В НАУКЕ И ПОЛИТИКЕ

Представлена теория национального интереса, базирующаяся на двух контекстах его реализации. Первый – это политический дискурс, где категория «национальный интерес» имеет нормативный характер с обоснованием действий государства или представляемых им политических сил. В другом, исследовательском, национальный интерес выступает нейтральной категорией научного анализа. Именно эти контексты – основа предлагаемого подхода к изучению феномена национального интереса в современном обществе в научном и политическом аспектах его проявления: от государственного интереса к национальному с рассмотрением теорий изучения национальных интересов в науке и, наконец, определением понятия «национальные интересы». В качестве отправной точки исследования взята дефиниция «нация», главной ценностью которой является национальное государство как основа национальных интересов.

Ключевые слова: национальные интересы; государственные интересы; нация; государство; национальное государство; суверенитет; теория национального интереса; понятие «национальный интерес».

Suggested is the theory of national interest that is based on two contexts of its realization. The first context is a political discourse in which the category of national interest has a normative character with the grounds for the actions undertaken by the state or political forces represented by it. In the other – investigating context – national interest serves a neutral category of scientific analysis. It is the contexts that serve the basis for the suggested approach to learn the phenomenon of the national interest in a modern society in the scientific and political aspects of its manifestation: from the state interest to the national one with alongside considering theories aimed at studying national interests in science and, finally, determining the concept «national interests». The starting point of investigation is the definition of nation the basic value of which is a nation-state as the grounds for national interests.

Key words: national interests; state interests; nation; state; nation-state; sovereignty; theory of national interest; concept «national interest».

С понятием «национальные интересы» мы чаще всего сталкиваемся в двух случаях. В первом – это политический дискурс, в котором политики и публицисты обосновывают определенные действия государства или представляемых ими политических сил ссылками на национальные интересы. Последние здесь имеют нормативный характер. Речь идет о том, что соответствует национальным интересам и подлежит обоснованию, а что нет.

В другом контексте эта категория предстает, когда исследователь международных отношений задает себе вопрос, чем руководствовались государственные деятели, принимая те или иные решения, – национальными или групповыми интересами, идеологическими воззрениями, иными причинами. В данном случае понятие национальных интересов выступает как нейтральная в этическом смысле категория научного анализа.

Приступая к дискуссии о том, чем являются в настоящее время польские национальные интересы, мы будем ссылаться на оба упомянутых контекста. Для этого следует начать с анализа самого понятия и способов его употребления в науке и политике.